

УДК 821.111–312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

C89

Emily Suvada

THIS VICIOUS CUVE

Text copyright © 2020 by Emily Suvada

Сувада, Эмили.

C89 Этот разрушительный элемент / Эмили Сувада ; [перевод с английского О. Н. Норицыной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с. — (Young Adult. Антиутопия. Дети апокалипсиса).

ISBN 978-5-04-110722-2

Катарина лишилась всего: собственного тела и долгожданной свободы. Девушка оказалась заперта в ловушке подсознания, сбежать из которой невозможно. Столкнувшись с темной частью своей личности, Катарина понимает, что нынешняя владелица ее тела способна уничтожить этот мир. Она должна предупредить все человечество: лекарство, обещавшее подарить людям бессмертие, таит в себе смертельную опасность. Однако у нее осталось несколько часов, после чего личность Катарины будет уничтожена.

УДК 821.111–312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Норицына О., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110722-2

*Для тебя, мой читатель.
Спасибо, что стал моим попутчиком
в этом путешествии.*

ГЛАВА 1

ЦЗЮНЬ БЭЙ

ПОЛДЕНЬ, ВОЗДУХ ПУСТЫНИ расплывается от жары, а улицы окрашены в черный цвет от усыпавших их тел мертвых странствующих голубей¹. Еще неделю назад огромные стаи этих птиц заслоняли солнце, но сейчас над небом Энтропии кружится лишь несколько особей. Их скорбные крики разносятся по воздуху, а опавшие перья вздымаются и закручиваются в порывах свистящего ветра, гуляющего над холмами. Этот город когда-то светился жизнью, мечтаниями и возможностями, но сейчас он опустел и превратился в заброшенный памятник умершим.

Я отхожу от окна и принимаюсь расхаживать по загроможденному полу общей лаборатории, в которой сейчас живу. Вокруг меня на креслах и диванах развалились кодеры, молча над чем-то работая. Можно

¹ Странствующий голубь — вымерший вид семейства голубиных, который обитал в лиственных лесах Северной Америки. Птицы вели кочующий образ жизни, собираясь в огромные стаи по миллиону особей.

предположить, что после атаки «Картакса» на Энтропию ее жители сосредоточатся на мести, но большинство подслушанных мной разговоров оказались о растениях, водорослях и способах превратить мертвых голубей в удобрения.

Я люблю этот город, но порой мне хочется сжечь его дотла.

— Уверена, что готова, Цзюнь Бэй? — спрашивает Рейн.

Солнечный свет отражается от бронированных пластин на ее коже, когда она сжимает в руках планшет, подключенный к моей панели. Не многим я доверяю настолько, чтобы открыть доступ к моим модулям, но Рейн из их числа. Она помогает мне с тех пор, как услышала о «Нулевом коде». Думаю, любой, кто решится покрыть свою кожу броней, способной отразить удар ножа, заинтересован в бессмертии.

— Нужно попробовать все варианты, — говорю я, прикоснувшись к щеке и разминая шею наклонами головы вперед и назад.

Рейн постукивает по экрану планшета.

— Не хочешь присесть? Мы можем уйти в дальнюю комнату.

Я качаю головой:

— Все нормально. Надеюсь, в этот раз код окажется верным.

Я возвращаюсь к окну и принимаюсь кусать ноготь на большом пальце. Мы заняли пентхаус жилого дома на склоне горы. Сквозь стеклянную стену видны разрушенные здания и загубленные сельскохозяйственные поля у подножия горы. Вдалеке мерцает граница Энтропии, а за ней простираются на многие километры пустынные равнины, усыпанные перьями.

Но я смотрю не сквозь запыленное окно, а на собственное отражение в нем. Прошло несколько недель, и я наконец вижу собственные черты в лице, смотрящем на меня. Мои глаза, нос, изгиб губ. Даже волосы приобрели верный оттенок и структуру, а также отросли до середины спины за последние несколько дней. И теперь тело выглядит так, как и должно, за исключением левой щеки и пары участков на руке и правой лодыжке. Я все перепробовала, но кожа там не изменилась. Это кожа Катарины, и ее ДНК все еще остается в клетках. Все остальное изменилось легко, но эти пятна не хотят поддаваться.

И, если повезет, к концу дня кожа на левой щеке приобретет нужный оттенок.

— Что ж, я запускаю программу, — говорит Рейн, подходя ко мне.

Я тут же чувствую легкое покалывание в щеке, которое постепенно перерастает в боль. Каждая попытка запустить код для изменения этих пятен болезненнее предыдущей. И сейчас моя щека начинает гореть. Я смотрю в окно на алые полосы, стекающие по коже. Вот и капилляры начали лопаться.

Я стискиваю зубы, когда вижу, как кожа начинает пузыриться.

Боль врзается в разрушенную стену внутри меня — хрупкий барьер, отделяющий мой разум от разума Катарины. Но по ту сторону тишина. После того как Катарина ударила электричеством по импланту, чтобы не дать мне стереть воспоминания, она замолчала, и с тех пор я не ощущала ее присутствия. Думаю, ее разум погрузился в сон, но я надеюсь, что мне когда-нибудь удастся ее оживить. Впрочем, на ее долю выпало уже достаточно боли и ужаса.

И если появится способ ее разбудить, я не стану этого делать, пока мир не исцелится вновь.

Струйки крови стекают по лицу из пульсирующей, распухшей раны.

— Е-еще одна неудача, — с трудом выдыхаю я.

— Я уже отключила программу, — говорит Рейн.

Я сгибаюсь пополам и упираюсь руками в стекло. От боли перед глазами все плывет, а ноги подкашиваются. Руки так и тянутся потереть рану, но стоит мне прикоснуться к ней, как кожа отвалится и упадет.

— Что ж, это не сработало, — говорит Рейн.

Щека ноет, а боль даже не думает затихать. Я выпрямляюсь, втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы и достаю гелиевую повязку из сумки, прикрепленной к бедру. Это повязка с нанитами, порцией обезболивающего и исцеляющих съвороток. Я снимаю прозрачную пленку и осторожно прижимаю повязку к щеке. Боль усиливается, перед глазами вспыхивают пятна, но вскоре она стихает под действием обезболивающего.

— Выглядит не очень приятно, — говорит Рейн.

Я с трудом киваю в ответ. Это уже шестая безуспешная попытка. Лаклан постоянно изменял мою ДНК в лаборатории проекта «Заратустра», но это никогда не причиняло мне такой боли. Ему даже удалось полностью изменить мое тело и превратить в Катарину. И на ней не было и кусочка кожи другого цвета. Так почему же эти клетки не хотят меня слушаться? Я не понимаю.

Что я за кодировщик, если не могу разобраться даже с собственной ДНК?

— Руз вернулся, — еле слышно бормочет Рейн.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, как распахиивается дверь в лабораторию.

— Неужели ему больше нечем заняться, кроме как постоянно проверять меня?

Рейн прячет планшет в карман.

— Видимо, нет.

— Опять занимаешься своим лицом, Цзюнь Бэй? — входя в лабораторию, спрашивает Руз.

Он на несколько лет старше меня, его кожу украшают серебристые линии электрических схем, а глаза — импланты, замена тем, что он потерял в детстве. Руз стал новым лидером Энтропии после смерти Регины, но мне до сих пор непонятно, почему люди выбрали его.

Я прилетела сюда в надежде, что жители города поддержат меня, но оказалось, что у них совершенно другая иерархия по сравнению с «Картаксом». Несмотря на то, что я привезла с собой «Нулевой код» и пообещала бессмертие, они выбрали Руза, потому что тот давно живет здесь. Он убедил генхакеров, что те должны сосредоточиться на защите — границах, постах охраны и патрулях — вместо непроверенного фрагмента кода. И их не убедили мои слова, что «Картакс» признает поражение только в том случае, если столкнется с чем-то новым... и мощным.

Когда я создала «Нулевой код», то выбрала это название не только потому, что он затрагивает фундаментные основы. Он нечто большее. «Панацея». Программа, которая позволит нам изменять наш разум так же легко, как и ДНК. Он станет самым важным кодом в жизни, вот только пока ему не хватает одного последнего, решающего фрагмента. Но никто здесь не заинтересован в том, чтобы помочь мне его дописать.

— Я думала, ты проверяешь периметр города. — Говорю я Рузу.

Из близлежащего лагеря генхакеров поступили сообщения о налетах. Все нервничают после атаки «Картакса» на живущих на поверхности и провала памяти на несколько месяцев.

Никто не знает, что это я стерла воспоминания, и пусть так остается впредь.

— Патруль ничего не заметил, — говорит Руз. — Я думал, ты сосредоточилась на кодировке системы обороны города.

Я закатываю глаза:

— Единственные, кто может на нас напасть, это люди «Картакса», но даже мне сложно придумать что-то способное остановить их.

Как только последнее слово срывается с моих губ, вдалеке раздается выстрел, а за ним следует грохот.

Руз хмурится, пересекает комнату и внимательно всматривается в происходящее за окном вместе со мной.

— Очень похоже на взрыв бомбы, — говорю я, осматривая улицы и пытаюсь заметить хоть какое-то движение за покрывалом черных перьев.

— Согласен, — говорит Руз. — Но это вполне могут быть проделки тех, кому нечем заняться...

Он замолкает, когда раздается еще один выстрел, после которого вокруг одного из входов в тоннели в воздух взлетают перья. На улицу с криком выбегает женщина в окровавленной одежде. Руз напрягается, не сводя с нее взгляда.

— Похоже, нам действительно нужна хорошая система защиты, — говорю я. — Кажется, на нас напали. Пойдем.

Я бегу к двери. Не знаю, кто атаковал ту женщину, но за этим вполне мог стоять «Картакс». И хотя не видно ни грузовиков, ни «Комоксов», они вполне могли

отправить сюда беспилотники-невидимки, чтобы найти нас. Они уже удерживали несколько сотен хакеров Энтропии, похитив их во время запуска протокола «Всемирный потоп». Так что я бы не удивилась, если бы они пришли за мной.

Схватив кобуру с вешалки у двери, я натягиваю ее и несусь вниз по ступеням. Они дубовые и проросли прямо из ростков в бетонных стенах, так что на некоторых из них встречаются листики и ветки. Чтобы оказаться на улице, предстоит преодолеть всего четыре этажа, но даже от этой нагрузки перед глазами вспыхивает предупреждение. Программы, исцеляющие щеку, съели большую часть оставшихся калорий, к тому же я давно не спала как следует. Так что сейчас не самое подходящее время, чтобы ввязываться в драку.

— Бежим к восточному входу в тоннели, — догнав меня, говорит Руз. Его глаза слегка стекленеют. — Там незваные гости. И, кажется, пострадал кто-то из наших.

— Поняла, — отзываюсь я, после чего преодолеваю последний пролет и выскакиваю на улицу через главную дверь.

Воздух пропитан удушливым, тяжелым запахом разлагающихся голубей. Их перья хрустят под нашими ногами, пока мы мчимся ко входу в тоннель. Выстрелы становятся громче и смешиваются с криками. Оглянувшись на Руза и остальных, я вытаскиваю пистолет из кобуры и ускоряюсь.

— Электропитание отключено, — кричит Руз. — И как минимум один из наших людей ранен.

— Это определенно нападение, но не похоже на «Картакс», — кричит Рейн. — Они бы провернули все тише.

— Согласен, — отзывается Руз. — Но кто тогда там?

Мы мчимся в тоннель под звуки выстрелов, эхом отражающиеся от стен. Руз бежит рядом со мной навстречу развернувшемуся бою, но через несколько мгновений хватает меня за руку, чтобы остановить.

Я делаю несколько шагов, чтобы не упасть, и пытаюсь осознать ужасную сцену, которая развернулась передо мной. На земле лежат тела хакеров, работавших на сельскохозяйственных уровнях. Некоторые из них уже мертвы, а некоторые тяжело ранены. Над ними возвышаются люди в грязной, окровавленной одежде. Это определенно не солдаты «Картакса».

К тому же они скалятся, как звери.

— Одичалые, — рычит Руз.

Это люди, потерявшие рассудок от гнева. Катарина сталкивалась с ними во время вспышки, но я никогда не видела их раньше. С нескрываемым отвращением я осматриваюсь по сторонам. Неподалеку от меня лежит растерзанная женщина, а двое одичалых, склонившись над ней, копаются у нее в животе.

Я готовилась к атаке «Картакса» — военным, дронам и взрывчатке. Но не к этому.

Руз поднимает винтовку и стреляет в одного из одичалых, от выстрела остальные разбегаются в разные стороны. И некоторые из них направляются в глубь бункера.

— Мы не можем позволить им попасть внутрь! — с широко раскрытыми глазами кричит Рейн и бросается за ними, оставляя нас с Рузом наедине с выжившими.

Правда, их осталось не так уж много. Вокруг нас разбросано около десятка тел, а запах крови настолько сильный, что сводит живот. Не знаю, как одичалые

проникли в город и в этот тоннель, но Рейн права, их нельзя пускать в бункер. Мы не можем рисковать жизнями жителей Энтропии.

— Хоть кто-то может идти сам? — кричу я, оглядывая раненых.

Женщина, одежда которой покрыта кровью, стоя на коленях тихо всхлипывает рядом с женщиной с разодранным животом. И от одного взгляда на них меня охватывает ужас. Потому что я знаю их. Это Матрица. Одна из хакеров, поверивших в «Панацею», а рядом с ней на земле лежит ее жена, которая работала с растениями. И именно ей одичалые разорвали живот и копались в нем.

По тоннелю эхом разносятся шаги.

— Одичалые возвращаются, — говорит Руз. — Нужно утащить отсюда раненых.

— Мы не успеем, — говорю я. — Так что придется дать им отпор.

— Нельзя пускать их в тоннель и в бункер. Люди там совершенно беззащитны. Если эти монстры туда проберутся, то убивают всех.

— Можно воспользоваться «Косой». Она у меня в манжете, — предлагаю я.

Это маленькая вредоносная программа, способная убить любого человека, имеющего панель.

— Нет, — возражает Руз. — Ни за что.

— Почему? Их слишком много. Нам их не перестрелять. А «Коса» поубивает их всех.

— Дело не в этом, — шипит Руз. — Если у «Картакса» есть доступ хоть к одной из их панелей, они смогут заполучить код. А затем использовать его против нас. Одной командой убить всех живущих на поверхности.

От этой мысли все внутри леденеет. Он прав. Когда Катарина воспользовалась «Косой», код смог перехва-